

ЕЛЕНА КНЯЖИНА

СЛУЧАЙНАЯ СВАДЬБА

ОДНА ЗИМА ДО ЛЮБВИ

Случайная свадьба

Елена Княжина

**Случайная свадьба.
Одна зима до любви**

«Автор»

2025

Княжина Е.

Случайная свадьба. Одна зима до любви / Е. Княжина —
«Автор», 2025 — (Случайная свадьба)

Эта зима должна была стать для меня последней. Но я все еще жива. И замужем за незнакомцем. Едва помню, как давала клятву в заметенном снегами храме... Зато я не забыла, как тот мужчина вливал в меня магию. Холодные губы на моих, трясущихся в лихорадке. И обжигающий поток силы, накрепко вплетающийся в жилы... Вот и все, что я помню о незнакомце, спасшем мне жизнь. Его магия еще внутри, темная, дикая... Она толкает на поиски. Кто мой муж? И почему его дар теперь хочет меня убить? Впереди пять полных лун, чтобы во всем разобраться. Одна зима... на любовь.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Княжина

Случайная свадьба. Одна зима до любви

Пролог

– Он придет, – неуверенно пробормотал отец, поддерживая меня вертикально перед алтарем. – Он крепко мне задолжал, Лара... Он не осмелится оставить род Хоулденвей в беде в такой час!

Из распахнутых дверей в полуразрушенный храм залетали снежные хлопья и тут же таяли, касаясь пламени свечей. Кристаллы под сводом давно разрядились. Поэтому жрец, обнаруженный нами в соседней харчевне, обошелся живым огнем.

Белая накидка давила на слабые плечи. Щеки горели, по лбу скатывался липкий пот. Все труднее было удерживать мысли в голове. Зачем мы здесь?

Кажется, я выхожу замуж. За незнакомца из замшелой харчевни, что расположена на самой темной улочке Вандарфа.

Там было шумно и пахло хмелем. Из окон виднелся приют настоятельницы Монтилье. Завсегдатаи ругали проказницу Триксет и согревались чем могли...

Здесь же, в храме, было мертвенно тихо, как в усыпальнице сатарских Владык. Лучше бы мы остались в харчевне.

Выпустив руку отца, я присела на холодную ступень. Приложила горящий висок к гладкому алтарному камню. Перед глазами мельтешила черная мошकारа, в горле булькала муть. Диковинная магическая хворь отвоевывала свое, и счет шел уже на минуты.

Неужели это моя последняя зима? Да, Лара, все так. Последняя.

Вьюга озлобленной хэссой билась в окна, и стекла повизгивали жалобно под ее натиском...

Заметенный снегами Вандарфский храм торчал на вершине скалы, как причудливый корявый снеговик. Мы еле влезли сюда по обледенелой тропинке, вьющейся стеклянной змеей меж сугробов. Жрец несколько раз поскальзывался и падал, отец по колено промочил ноги в холодной луже. Моя же белая мантия покрылась ледяной коркой и не спешила оттаивать.

Другого святого места, откуда можно воззвать к богиням и попросить брачное благословение, поблизости не сыскать. Все силы, оставленные хворью в насмешку, я растратила там, на склоне. И теперь обреченно вздыхала.

Он не придет. Тот мужчина, что пообещал отцу взять меня в жены, чтобы влить в истощенные жилы спасительную родовую магию... Он передумал. И я не посмела бы его винить.

Любой бы передумал, взглянув под глубокий капюшон и узрев кошмар, в который Лару Хоулденвей превратила изматывающая болезнь. Но маг решил поступить благородно... Это ведь отвратительно – прийти, поглядеть на невесту, скривиться и выйти вон? Поэтому он попросту не явился, подарив батюшке ложную надежду.

Не стоило нам тащиться на неприступную обледенелую гору. Здесь, в полуразрушенном храме, не обрести спасения. Тот мужчина наверняка нашел свежую харпию, и она уже несется в столицу, взрывая копытами рыхлый снег.

Зачем-то я продолжала глядеть на распахнутую дверь. Белое, черное и рыжее сплеталось перед взором в причудливый узор. Снег, ночь, пламя... Черного становилось больше. Вскоре морок заволок все туманом.

Кажется, мой час пробил. Я отвернулась от входа, зажмурилась и поднялась, чтобы принять смерть достойно. Как когда-то сделала моя мать.

– Лара... доченька...

Отец все понял. Он уложил на мое лицо обе ладони и погладил ласково, пальцами запоминая черты. Прикрытые веки смочило соленой влагой: прощание никогда не давалось мне легко.

Вдруг спину окатило ледящим порывом. Ночь, смешанная с холодом, пролетела по храму и забралась под мантию.

Сзади слышались шаги. Нетвердые, глухие.

Он пришел.

– Быстрее, тэры. Я должен добраться до Пьяналавры к рассвету, что с новыми погодными условиями будет проблематично, – хрипло потребовал голос, который мне никогда не забыть. Еще в харчевне от него пробрало, а теперь и вовсе каждую жилку в узелок скрутило.

На дрожащее запястье легла рука в заснеженной перчатке. Кожу обожгло холодом. Пальцы сжало, и я потонула в непривычном, чужом прикосновении.

Мой будущий муж.

От переизбытка эмоций я пошатнулась и, найдя ближайшую опору, прислонилась к боку высокого незнакомца. Не было ни сил, ни смелости поднять на него глаза. Он стар и уродлив или красив и статен? Какая, к богиням, разница...

Я едва видела жреца перед собой. Его будто пожирал липкий черный морок, обгладывая края парадного одеяния.

Алтарь расплывался, в ушах гудело, ноги подламывались. Последние силы оставляли меня, и отец жестом велел служителю поторопиться. Сократить клятвы, как только возможно, и быстрее приступить к финальной части. К поцелую, в котором сплетутся наши искры, и в меня хлынет родовая магия супруга.

Свечи запылали ярче. Их пламя пробилось через темный туман, на секунду озарив храм сиянием брачных клятв. Пальцы мужчины сжались сильнее, впились в мою ладонь... Еще немного – и я стану его женой.

Глава 1

За несколько часов до...

Зима наступила внезапно.

Не так, как бывало в древние времена, когда сезоны шли друг за другом. Плавно, неспешно, по давно установленному порядку, давая сатарцам шанс подготовиться.

Сейчас все случилось резко. Минуту назад я в полусне любовалась сочными лугами. Как вдруг, вынырнув из забытья, увидела ползущие по стеклу морозные узоры. И пышная зелень за окном сменилась пугающей белой круговертью.

Повозка со скрипом зарылась в сугроб и остановилась. Старый харпемейстер витиевато выругался, огласив земли Вандарфа воплем человека, приморозившего пятую точку к обледенелой лавке. Тощие харпии, что волокли экипаж из последних сил, возмущенно расфыркались. – Триксет, мой тэр... Избрание окончено. Победила Триксет!

Задышавшись, кучер ввалился в промерзшее нутро разбитого экипажа. Вместе с ним впорхнули перепуганные бабочки и мошки, как и я, не ожидавшие от погожего летнего зноя такой подставы.

Сложив отмороженные крылья, они примостились на моей ладони, надеясь урвать с кожи каплю тепла. Я бы и рада поделиться, но... что с меня нынче возьмешь?

Громко вздыхая, отец достал из походной сумки пальто для себя и накидку для харпемейстера. Под диваном нашлись согревающие чешуйчатые попоны для харпий. Мне же папа с виноватым видом передал хлипкий осенний плащик с куцым меховым воротником: ничего теплее и наряднее в вещевом мешке не обнаружилось. Я давно не гуляла по улицам и потому не нуждалась в обновлениях.

Выходит, вестницы, что забредали в наши края на той неделе, ошиблись. Они предрекали победу Шарии. На смену жаркому лету Верганы должна была прийти тихая, мягкая осень – пора урожая и преумножения богатств.

И вот... снег. Нахраписто белый, нарядный, слепящий. Триксет будто издевалась, посмеивалась над сатарцами, что не подготовились к сезону! Представляю, какие нынче очереди в лавках с шубами и шерстяными шальями...

Мы выехали с рассветом. Подношение Шарии сделали накануне в деревенском храме. Несколько часов мы двигались вдоль бывших фермерских полей, ныне затянутых туманом и дымом. Объезжали их через мертвый, черный лес, с опаской косясь на далекие военные шатры. Молились богиням, чтобы нас не приняли за рогатых.

Ни один здравомыслящий сатарец не станет сокращать путь через Туманные Рубежи. Но из меня по капельке вытекала жизнь, а отец зажегся новой идеей. Последней.

Бездомные вестницы, что захаживали в имение рода Хоулденвей за горячей едой и ветхой одеждой, принесли на кончиках клювов рассказы о старой виззарийке, что тайно поселилась под крышей приюта Монтилье.

Я едва переставляла ноги в последние дни, часто падала в обморок... И отец решился. Велел харпемейстеру заложить экипаж и оседлать старых, чахлых харпий с обломанными костяными гривами. Он рассчитывал успеть в Вандарф до смены сезона.

Впрочем, подстегивало его не столько избрание новой богини, сколько осознание: Ларе Хоулденвей осталось мало. Кошмарно мало. Доживет ли до ночи – вот вопрос.

Путь я помнила слабо: дремала, проваливалась в забытье, мучилась тошнотой, вновь засыпала на твердом диванчике экипажа... Морщилась, ворчала: к чему отец затеял изматывающую поездку? Почему не дал провести последний день за чтением и молитвой?

Матушке он позволил уйти достойно, тихо, в родной постели. Меня же который год демонстрировал придворным лекарям, деревенским знахарям и шарлатанам, как неведомую зверюшку. Обычно они сами приезжали в Хоулден-Холл, выписывали мази, зелья, травки... Но понятно, что темная ведьма не из тех, кого можно вызвать письмом, пообещав мешок серебряных сат.

И мы ехали, ехали... пока не встряли в снежную стену. Ледяных сугробов никто не ждал. До Вандарфа осталось всего-ничего, но харпии были стары, а переходы завалены... Едва ли доберемся до темноты.

Не могла Триксет оставить мне еще немного тепла? День, два, не больше? Три я уж точно не протяну...

Я виновато поглядела на отца, расправлявшего меховой коврик по сидению, и отвернулась к окну. Как он тут будет, без меня?

Отражение в заиндевевшем стекле не врало: мне становилось хуже с каждым часом. Кожа рук отдавала болезненной зеленью, вены проступали через прозрачную пленку, кости обострились и выпирали, точно я месяцами ничего не ела.

Если раньше мои волосы имели приятный оттенок светлого вандарфского каштана, то теперь потускнели, посерели, выпцвели и пронизались тонкими серебряными нитями. Глаза, некогда светло-зеленые, как лавруш (пряная травка, которую добавляют в чай и настои), стали прозрачными. Бесцветными. В них будто застыли кристаллы льда – столь любимого новой главной богиней материала.

Мое тело увядало вместе со мной. Даже отец лишний раз старался не глядеть прямо, чтобы не расплакаться.

– Следовало остаться. Провести отведенное время в покое и...

– Лара! – отец вздрогнул и, силой воли остановив трясущиеся пальцы, добавил: – Упокоиться мы успеем... как придет срок. А пока есть хоть минута, надо бороться. Искать способ вылечить тебя. До последнего вдоха.

– Я устала искать, – прошептала я, впадая в оцепенение от мерной качки. – Очень, очень устала.

Харпии, понукаемые кучером, с недовольным шипением двинулись вперед, выискивая старую дорогу под снежным ковром.

– Дай мне последний шанс, лаврушка, – ласково попросил отец, и я покорно кивнула. – Ворожка знает то, что неведомо никому из сатарских магистров...

Как ему отказать? Папа который год тешил себя надеждой, ее остались самые крохи. Совсем скоро все кончится. Меня утягивала на ту сторону неизвестная хворь, отца забирала старость.

Вот только с чего он взял, что полуслепая старуха, десяток лет назад прибившаяся к Вандарфскому приюту и слывшая темной ведьмой-виззарийкой (глупости!), знает лекарство от моей беды?

И имя у нее такое нелепое – Ворожка. Больше для самки грумля подойдет, чем для опытной жуткой ведьмы.

Конечно, сама Ворожка не подтверждала, что как-то связана с народом Древней Виззары. Это дело подсудное, запрещенное, смертью грозящее. А слухи, что передавались из клюва в клюв, от крыла к крылу, не были надежным источником.

Все знают, что те виззарийцы, что не сбежали порталами после гибели четы Грейнов, светлейших владык Сатара, были уничтожены. Настигнуты и растерзаны стражей Двора и лично молодым герцогом Грейнским, мстившим за утрату родителей.

Вряд ли тэр Габриэл, нынешний генерал, известный красотой, статью и военным пылом, был так слеп, что не заметил под боком Вандарфа старую виззарийку!

(Габриэл Грейнский – герой книги «Мой герцог, я – не подарок!», прим. автора)

В приют Монтилье мы въехали с темнотой, когда по густому снегу пятнами расплзлась сумеречная синева. Рыжие городские фонари светились вдалеке праздничными гирляндами, но здесь, на окраине Вандарфа, было тускло и серо. Мрачно.

Харпемейстер повел кобылиц к загонам, а мы с отцом выбрались у парадного крыльца. Безликое серое здание, истощенное старостью – болезнью хоть и знакомой, но непобедимой, – лениво выплывало из плотного тумана.

К главной башне были искусственно присоединены длинные корпуса с сотнями мелких черных окошек. Стены были утыканы стеклянными «гнездами», точно спелый фрукт семечками. Видимо, там располагались кельи послушниц.

Нас встретила сама нелла Монтилье – пожилая благородная дама, прямая, точно жердь, в серых одеждах с высоким воротом. Из узкого коридора высыпали воспитанницы в длинных белых сорочках. Всем лет от десяти до пятнадцати, а любопытства – через край.

Настоятельница шикнула на них и без слов предложила нам проследовать в ее личное крыло. Отец перед отъездом послал ей восточку: нас, судя по всему, ждали.

– Из Хоулден-Холла такой долгий путь до Вандарфа? – учтиво уточнила она, закрывая дверь кабинета от любопытных ушек.

Указала длинным пальцем на черноту за окном. Наш неуместно поздний визит нарушил привычный приютский распорядок.

– Путь недолгий, но... *Триксет*, – развел руками отец, будто ледяной богиней можно было объяснять любые неприятности. – Так мы можем увидеть Ворожку, Минар?

– Она не ведет прием хворых, ей больше нравится ухаживать за нашими животными... Я не писала, мы разбили при приюте магический питомник? Маленьким тэйрам нравится, а продажа хельмов и грумлей в сезон дает неплохой доход, – с мягкой улыбкой рассказала женщина. – Я объяснила Ворожке, что леди Хоулденвей, золотые небеса ее духу, щедро жертвовала приюту. И мы вашему роду многим обязаны. Она примет девочку.

– Поторопиться бы, Минар... – обеспокоенно прокрихтел отец, косясь на истончившуюся меня.

Кресел нам не предложили, а стоять ровно в моем состоянии – то еще испытание. Ноги едва держали.

– Я вижу, вижу. Поторопимся, – покивала степенная дама и, поправив серый шарф на шее, повела нас в другую дверь.

Отсюда начинался темный коридорчик, пахнувший плесенью и древностью. Из личного кабинета настоятельницы можно было попасть в десятки хозяйственных помещений, на кухню, на задний двор, где у загонів суетился наш харпемейстер...

Можно было и вовсе выйти из главного корпуса и пройти до усыпальниц, что мерцали в тумане позолоченными ритуальными знаками. И к питомнику, откуда доносилось неорганизованное повизгивание и подвывание. И к чередѣ небольших домиков, в которых, вероятно, селились гости, что просят ночлег после изматывающего путешествия.

Минар Монтилье провела нас до самой крайней лачуги, окруженной дымком темной ауры, и звучно постучала.

– Ворожка, отпирай. Хоулденвей приехали, – покричала она и покрутила пальцем возле уха, намекая, что страшная виззарийка глуховата.

Дверь открылась, и первыми в темноте я увидела глаза. Карие, острые, пронизывающие до косточек.

Смуглое лицо Ворожки усыпали тысячи морщин, скрещивающихся, сплетающихся и рассыпающихся лучами. Ей было... лет сто, если верить ощущениям.

– Древняя магия истощает. Мне всего пятьдесят, – с горькой ухмылкой ответила она. По пояснице побежал тревожный холодок: я ведь не вслух подумала? – Садись, хвораая, пока не упала.

Я быстро примостилась на край кушетки, заваленной грязным тряпьем. Ворожка не особо старалась навести порядок перед приходом «высших тэров».

– Коли высшие пришли к низшей, стало быть, теперь я высшая, – поехидничала она, поглядывая на меня свысока и пересчитывая грязным ногтем свои подбородки.

Потом взяла стул, протащила его со скрипом по полу и уселась ровно напротив. Отец и настоятельница так и остались в дверях.

– Как это с ней случилось? – спросила Ворожка после минутного молчания. Все это время она неотрывно глядела внутрь меня.

– Оно не должно было... – благоговейным шепотом ответил папенька и развел руками. – Ее мать практиковала, чем призвала на себя гнев всевышних. Но Лара никогда не творила крепких заклятий, как и завещано богинями!

– Будто они лично вам, высокий тэр, свое завещание докладывали, – проворчала ведьма. Теперь я уж не сомневалась – жуткая, темная. Грязная и пахнущая крепкими специями. – Совсем не практиковала?

Проницательный взгляд коснулся меня, забрался на глубину, и я устало мотнула головой. Аристократкам запрещено творить магию и использовать дарованную искру.

Чары – удел низших. Сильная магия грязна, это всякая девочка знает с рождения. Руки ей пачкают только бытовички при холлах, неллы да придворные горничные.

– Моя супруга...

– Слушаю, слушаю, – покивала старуха, недобро шурясь на отца.

– За пару лет до болезни, что унесла ее беспокойный дух в чертоги Триксет, она пыталась научить девочку каким-то чарам. «Укрепляющим»! – пыхнул он возмущенно. – Я застал их за ритуалом. Я был разгневан.

– И что вы сделали, высокий тэр? – брезгливо скривилась ведьма.

– Конечно же, я запретил ей передавать умения предков, что они таскали из поколения в поколение, – с раздражением пробурчал отец. – Это все дурное влияние бабки Хоул... Она пачкала руки. И дочь свою научила, и внучку. Головы им задурила древней чепухой. Но моя Лара не такая. Она чистое, светлое, послушное дитя!

Я смутно помнила тот день, когда родители поругались. Мать была более высокого рождения, чем отец, так что он примкнул к роду Хоулденвей... Вполне добровольно, однако в тот день он много кричал. Дурного, злобного. И про род ее древний – особенно.

Папа, обычно тихий и любящий, был разочарован ее поступком. Взбешен. Матушка потом трое суток рыдала в подушку, не допуская никого к себе. А после вышла, отряхнулась, умылась... И они вновь зажили душа в душу. Пока мама не умерла.

– И вы запретили обеим практиковать магию? – догадалась «виззарийка».

– Не дозволено это аристократкам. Чары пачкают их светлую, благородную ауру, – отец строго поджал губы и с гордостью распрямился.

– Ох уж эти предрассудки высшего сословия, – подала голос настоятельница Монтилье. – Мой тэр... Байки о том, что магия грязна, придумали мужи, что сотнями лет стояли у власти. Кому нужны сильные, образованные супруги, не боящиеся творить заклятья?

– Байки? Моя жена своими тайными практиками снискала проклятие богинь! – разорвался отец, покрываясь испариной. – Она умирала в муках!

– Потому что поклялась вам не практиковать, – едко вставила Ворожка.

– И ваша дочь, не обученная укреплять тело и не соединившая дух с магической искрой, угасает, как свечка, забытая на морозе, – спокойно договорила Минар и положила руку ему на трясущееся плечо.

– Вы хотите... хотите сказать, что я тем запретом обрек не только жену, но и дочь?

Он сник, соскользнул вещевым тюком в кресло, выбив столб пыли из обивки.

– А что же, ни один из заезжих целителей не предположил такого варианта? – удивилась настоящая. – Предполагаю, они все были консервативно воспитанными мужчинами, как вы?

– Я был так зол, когда увидел мою девочку... мою крошку-лаврушку... с огненным шаром в детской ладошке! Я любил жену. Хранил верность всегда, – прикрыв глаза, объяснял он. – Я поставил ее перед выбором... или наш брак, или эта ее непотребная магия!

– И она, бедная, не научила дитя оберегать себя. Защищаться. Она надеялась, что дочери не придется нести ее бремя... которое под силу лишь тому, кто укрепил магией тело, – прокричала, хмурясь, Ворожка. – Но все случилось без ее ведома и без ее воли. Так уж сплелись нити Сато.

Темная ведьма подняла грязным пальцем мой подбородок и, приблизившись к носу, своей черной сутью впиталась в глаза. Она что-то разыскивала внутри. Ответ на тайный вопрос.

– Какое бремя? – прошептала я, вспомнив, что не безмолвная кукла. И пока еще могу говорить.

– Не знаю, – она резко отпрянула и зажмурилась.

Потемнела лицом, пожевала губу, поиграла немыслимым количеством морщин.

– Как это не знаете? – вспыхнул отец, насквозь протаранивший Туманные Рубежи ради встречи с ворчливой старухой.

– Лишь чувствую, что оно подмяло хрупкую тэйру под собой... и она не смогла противостоять. Будь девушка опытнее, сильнее – смогла бы.

– Так это не проклятие богинь? – простонал папенька, чьи жизненные ориентиры рушились на глазах.

– Теперь поздно выяснять, – отмахнулась ведьма и резко поднялась со стула. Огладила черное кружево мятой юбки и сгорбилась устало. – Умрет ваша дочь, высокий тэр. К рассвету уж всяко. Последняя ниточка за искру держится. Как в глазах потемнеет, так оборвется.

– Нет! – с рыком отец подлетел с кресла и, обнаружив в себе затерявшуюся энергию, заметался по грязной лачуге. – Ты должна знать, как помочь. Ты... именно ты... Говори, ведьма!

Он тыкал мясистым пальцем в Ворожку, а та лишь брезгливо жмурилась. Если бы нелла Монтилье не настояла, она бы и принимать нас отказалась.

Воздух ведьмовской хибары был пропитан неприязнью к высшему сословию. А теперь тэр Хоулденвей, обезумев от горя, топал ногами, кричал и тыкал в нее пальцами... Требовал, не просил.

– Немного сильной магии подарило бы нам время, – вдруг отозвалась она, заставив папу остановить хаотичные пляски по дырявому ковру.

– Договаривай! Молю!

– Теперь молитесь? – усмехнулась. – Своя магия уж завяла в девчонке, она ни тело, ни дух не спасет, не согреет. Вот если бы влить немного чужой...

– Переливание магии запрещено в Сатаре... Это грязно, – откестился папа от вопиющей затеи.

– Уж больно, – фыркнула знахарка. – Будто капля чужого дара сильнее запятнает умирающую. Вы бы видели, что у нее с искоркой творится... Да не дано заглянуть, верно?

– Это точно поможет? – сдался отец.

– Это даст время, чтобы найти причину, зерно черной хвори... А если магия приживется, то и излечит. Конечно, тэйре придется обучиться, чтобы освоить подарок, но вы же не станете протестовать в этот раз? – ворковала Ворожка, покачивая тучными бедрами. – Беда в другом. Магия не всякая подойдет. Только родственная, кровью или обрядом соединенная.

Она многозначительно кивнула на отца, обрюзгшего за последние годы до неузнаваемости. На его трясущиеся пальцы, на болезненно побелевшие щеки.

– Я не смогу, – выдавил он шепотом. – Я стар, слаб, да и заклятий таких не знаю.

– Осталась у нее иная родня? По материнской линии?

– Никого, – угрюмо ответил он и потряхнул седыми вихрами, добиравшимися ему до плеч.

– Жених? – допытывалась ведьма, хмурия многочисленные морщины и подбородки.

– Ты в своем уме? – взвился отец. – Стал бы я помышлять о выгодном союзе в столь скорбный час?

– А лучше бы муж... Да-а-а, *муж*, – покивала она задумчиво и скрыла взгляд за мутной взвесью ресниц. – Крепкий, сильный маг, что в древнем брачном ритуале вместо единения тел объединит искры. И перельет часть родовой магии в молодую жену.

– Отвратительно! – задохнулся отец, но настоятельница вновь мягко надела на его плечо и вернула в кресло.

– Это в Сатаре не запрещено, – хмурия брови, заверила нелла Монтилье. – Такой вариант скрепления союза практиковали в древности. Когда чувствовать внутри магию друг друга не считалось чем-то грязным и стыдным... Говорили даже, что единение искр благотворно сказывается на здоровье будущих наследников.

Взвывая раненым кворгом, отец накрыл трясущимися ладонями лицо. Его консервативная природа стонала, рвала внутренности, крича о позоре. О наследниках он точно не помышлял, да и едва ли представлял, как отдает единственную дочь другому мужчине.

– Благотворно, благотворно, – покивала Ворожка и заискивающе улыбнулась, демонстрируя черные зубы. – Так меньше шансов, что женский организм мужнину магию отторгнет. Но я, во имя Бездны, и не знаю, кто из сатарских щедедушных тэров способен на супружеское переливание.

За черными глазницами окон валил серый снег. Щедро сыпал крупными хлопьями, устилал ледяным покровом улочки Вандарфа.

Мое сознание уплывало из реальности и отдавалось воспоминаниям. Матушке, отцу, безмятежному детству в Хоулден-Холле... Предсмертная сентиментальность. Не хотелось думать о дурном и страшном.

Иногда разум выплывал, слышал обрывки фраз. Они серьезно насчет супружества? Или это черный виззарийский юмор?

– Крепкий, сильный маг, знающий древние обряды? Случайно заблудившийся в Вандарфе в день смены сезонов? – пыхтел отец, хватаясь за грудь и переводя взволнованный взгляд с пожилой неллы на морщинистую ведьму и обратно. – И готовый заключить брачный союз с моей дочерью нынешней ночью?

– Счет идет на часы, я бы на вашем месте с поисками не затягивала, – издевательски проворчала Ворожка и с довольным видом почесала шею.

Паника высокомерного тэра ее веселила, моя судьба – печалила мало.

– Да где ж найти этого безумца в такую погоду?!

Глава 2

Закрыв хмурое лицо меховым воротником, отец первым выбежал из ведьмовской лачуги. Унесся в сторону города, быстро скрывшись за снежной стеной. Мне показалось, он на ходу стряхивал с щек стынувшие слезы...

Трудный выбор для аристократа – позволить дочери умереть, но не дать «запачкаться» и «опозориться», или же действительно бороться до последнего? Искать. Мужа. Случайного.

Только где? Безумные сильные маги в сугробах не валяются!

– Куда он? – озадаченно спросила я у настоятельницы.

– То мне неведомо, – степенно ответила дама и, обхватив за плечи, вывела меня из дома Ворожки. – Но в минуты горести сильные мужи часто обнаруживаются в харчевнях. За пустыми графинами, в омуте терпкого хмеля.

Я осторожно кивнула: поняла. Трудный выбор лучше принимать за чаркой крепкой настойки. Наверняка там, где горят оранжевые кристаллы фонарей, полно подобных заведений... Сейчас в них не пробиться: все мерзнувшие путники, кого избрание Триксет застало врасплох, зашли погреть тело и душу.

– Пойдем, Лара. Найдем тебе свободную спальню.

Заметив, что мои ватные ноги разъезжаются на снегу, настоятельница заботливо подставила локоть.

Мы вернулись в главную башню. Я с трудом вползла по лестнице на второй этаж, вошла в пустую спальню и уселась на кровать.

Забота неллы Монтилье была тихой, учтивой и ненавязчивой. С уважением к моей увядающей плоти она молча положила на кушетку свернутое одеяло, взбила подушку. Принесла чистую сорочку до пят – такую же, как у пятнадцатилетних послушниц, с кружевными рюшами на плечах. И где-то раздобыла теплую зимнюю мантию – красивую, белую как снег. С капюшоном, опушенным пухом и пером.

Вполне гармонично. Я и сама была бледнее смерти, белее зимы. Едва понимала, что происходит, и все ловила, ловила суетливых мошек перед глазами. Черными пятнами они прыгали, затмевая зрение, но пока не оборачивались полной темнотой. У меня оставалось время.

– Мне неловко принимать от вас мантию. Я ведь...

– Ты пока жива, Лара. И мантия твоя, – проронила Минар. – Еще до наступления холодов герцог Грейнский привез нам со складов теплые одежды. Мужское для армии забрал, а женское, все, что было, в приют отдал.

– Как заботлив наш генерал, – с тоской улыбнулась я.

Мантия была хороша. Как чудесно прогуляться в ней по утреннему Вандарфу, любясь сверкающими сосульками и ледяными скульптурами, что за ночь наваяет Триксет...

– Благодарен, – поправила настоятельница. – Мои старшие девочки уж который год заряжают для армии порталные камни. Отдыхайте, тэйра Хоулденвей. Дадут богини, утро будет светлым. А если нет... то пусть Триксет будет милостива и заберет вас без боли.

Настоятельница ушла. Я слушала ее шаркающие шаги, пока те совсем не исчезли. Потом послушно переоделась в сорочку, свернула новую мантию у изголовья кровати и уложила голову на тонкую подушку.

Обстановка в приюте поражала беднотой и простотой, однако тут было тепло. На запотевших окнах мерцали обогревающие чары, а на подоконнике пыхтел молодняк черных хельмов.

За крошечным стеклом виднелись далекие рыжие огни. Где-то там мой папенька, смачивая горло горячительным, смиряется с грядущей потерей. Последняя надежда, что держала

его хлипким стержнем над стылой землей, иссякла. Осталось лишь покорно принять узелок, заплетенный Сато Судьбоносицей.

Когда-то отец был статен и красив. Его волосы были темны, густы и вились, пенились по плечам, как сандерская смола. В Хоулден-Холле властвовали любовь и весна. Батюшка имел много ценных связей – с Владыкой, с советниками, был вхож в венценосный дом Грейнов, позволял молодой супруге блистать в театрах и на балах, мечтал представить ко Двору прелестную дочь...

Как резко все переменялось. Мама заболела, и Хоулденеи стали затворниками.

Я едва осознавала себя в последние несколько лет. Почти не помнила лиц, что меня окружали. Но папино... Любое – морщинистое, серое, обрюзгшее – было родным. Именно его я хотела бы увидеть перед тем, как...

А он сбежал в замшелую харчевню, не в силах разделить со мной последние часы!

От валяния на подушке мне легче не станет. Сон помогает тем, кто устал... Я же несколько лет только и делала, что отдыхала.

Решив, что в свой последний миг не хочу сидеть, как птичка в келье, я сунула ноги в сапожки, накинула на плечи белую мантию и тайком вышла из приюта.

Как добрела до города – и сама не знаю. Ноги переставлялись медленно, но упорно, и чудом донесли меня до первого рыжего фонаря. За ним был второй, третий... На промерзлых улицах народу почти не встречалось: вандарфцы попрятались в домах, забились в таверны.

Я твердо решила обыскать все харчевни одну за другой: где-то должен найтись отец. Едва толкнула массивную скрипучую дверь, как на меня обрушился нетрезвый гомон тысячи ртов. Звенели бокалы, лязгали вилки, билась глиняная утварь. И шум стоит такой, словно каждый пытался перекричать всех.

У меня заложило уши, закружилась голова. Замерзший нос ошалел от смеси терпко-горьких ароматов, едких, щиплющих ноздри.

Пошатнувшись, я привалилась к деревянной колонне у входа и плывущим взором прошерстила толпу. Тэры сидели за длинными столами, валялись под лавками, стояли у стен, брали штурмом кухню...

Папина сторбленная фигура, с седыми кудрями на затылке, нашлась в темном углу. Отец склонился над незнакомцем и что-то ему втолковывал. Пошатывался и сам, что намекало о худшем. Надо забрать его из этого злчного заведения, да поскорее.

– Пап... – прохрипела я сипло и тонко. Сама себя не услышала за криками.

Медленно поползла сквозь толчею. Меня толкали, пинали, почти роняли грубые тэры. В хмельном запале они махали руками и не замечали рядом хрупкой тени, что еле волочет мантию за собой.

Папин собеседник был укрыт черным плащом с глубоким капюшоном – что и цвета волос не разглядеть. Со спины он казался мощным, высоким, крепким. Ткань натягивалась на широких плечах до скрипа.

Чем ближе я подходила, тем отчетливее слышала его сердитый хрип. Он махнул рукой, потребовал у служки обновить пустой кувшин и поскорее найти свежую харпию.

И я вдруг поняла, что очень хочу его разглядеть. Увидеть лицо незнакомца. Зачем-то.

– Дороги замело, мой тэр! – пискнул рябой мальчишка с подносом.

– Плевать. Я должен вернуться в Пьяналавру к рассвету. На мне большая ответственность, демоны задеря ледяную стерву, – хрипел мужчина. Не так громко, как прочие, но слышно. – Меня давно не должно здесь быть!

– Но ты здесь. Застрял, как и прочие, – подал робкий голос мой папенька. – Не иначе благими нитями Сато...

– Благими? – чуть не взревел мужчина. Он был раздражен обстоятельствами и глушил внутреннюю горячку не первым графином зелья. – Чтобы я еще хоть раз откликнулся на просьбу герцога Грейнского и помог ему с установкой зимних заслонов...

– Ты был на Рубежах?

Отец плеснул себе из кувшина и, с трудом держась на ногах, оперся кулаком о стену.

Свободных стульев в харчевне не было. Как и номеров, как и экипажей, если верить сетованиям соседнего стола.

Я бесшумно позвала отца снова. Я ведь рядом – руку протяни! Нас разделяла компания молодых боевых магов, наполнявших стаканы стоя, на весу, и не замечавших неудобств. Но папа меня не услышал.

– Вырвался на день и застрял навечно. Если верить пакости за окном, – тихо проворчал тэр, кивая чашке.

Мужчина был укрыт сочащимся с плаща черным мраком. Наверное, в хвори я стала видеть людей иначе. А может, эта чернота была моей собственной.

Словом, вместо тэра в капюшоне я теперь наблюдала расплывающийся сгусток темноты. Тень за его широкой спиной шевелилась, хлопала рваными, потрепанными крыльями, точно птица.

Ох уж эти игры болезного подсознания!

Я уткнула взгляд в его сапоги: высокие, походные, недешевые, из выделанной кожи сатарских кворгов, с заклепками из заговоренного серебра. В таких удобно скакать верхом на свежей харпии, и никакой снегопад не страшен.

– Сама Судьбоносица послала мне тебя! В первой же харчевне, куда я вошел, убитый горем! – заведенно шептал отец и фамильярно тыкал пальцем в плечо незнакомца. – Ты должен помочь. Ты ведь не забыл?..

– Рогатые демоны, Хоулденвей, да я помню ее ребенком! – прошипел маг и с грохотом поставил чашку. – Как она вертихвосткой-россохой скакала по саду и ловила непуганых лоури, что вечно залетали в ваши сады...

– Давно уж не залетают. И ты давно не был, – угрюмо выдал папа.

– Горе не любит гостей.

– А ты и не рвался, – напомнил отец.

Видно, они с мужчиной являлись давними друзьями, но я, видят богини, не могла припомнить никого с такой аурой и такими плечами. Да и за лоури когда скакала, не помнила тоже. Не в прошлой ли жизни?

– Прими соболезнования. Твоя жена была чудесным созданием...

– Она была давно. А дочь моя еще есть! – перебил отец, внезапно обнаружив в себе суровый тон. – Ты дашь ей умереть? Моей малышке?

Стоять рядом стало невыносимо. Стыдно. Мои извечно бледные щеки разгорелись от смущения.

Да я лучше прямо тут на пыль изойдусь, чем буду слушать, как папенька умоляет кого-то взять меня в жены. Будто облезлую, хворую кобылку продает. И сам понимает, что товар негодный.

– Ты один из немногих в Сатаре знаешь, насколько я непригоден для супружеских уз, – проворчал незнакомец.

Я невольно прислушивалась к его пробирающему хрипу. Так очень старый, расстроенный инструмент выводит забытую мелодию. Неровно, шершаво, но все равно красиво.

– О, будь у меня выбор! Будь у меня выбор, я бы и помыслить не мог о таком союзе! – взревел отец, но его вопль потонул в гомоне. – Но я нынче непереборчив: дочка не доживет до рассвета. Я не прошу опекать ее, не прошу любить, не прошу содержать. Просто дай ей кусок своей магии, которой у тебя в избытке. Аж с пальцев сочится. Погляди на меня. Подними лицо!

– Ну? – мужчина задрал голову, и отец покривился. Неужто маг некрасив и страшен? – Хорош жених?

– Снова обострилось? – в дрогнувшем папином голосе почудилось участие.

– Пройдет. Рассосется. Много отдал на Рубежах, – отрывисто пояснил маг.

– Но в тебе еще есть...

– Осталось на дне. А дно ненадежно, Хоулденвей, – туманно добавил мужчина. – Оттуда черпается самая отборная...

– Неважно. Хоть что. Я согласен, – нервно кивнул отец, от волнения расплескав настойку.

– А она? Тэйра твоя малолетняя? Согласна?

– Да ей уж достаточно годков для брака. Выглядит младше, но то болезнь, – прошептал отец, сосредоточенно хмурясь. – Согласится, когда в храме встанет пред алтарем. Она девочка славная... Не посмеет противиться отцовской воле.

– Так ты не сказал ей, что нашел «жениха»? И где! В шумной харчевне, в безлунную ночь смены сезонов! – рассмеялся маг густо, пробирающую. – И что она подумает о случайном брачном решении, принятом за чаркой горячего гинна?

Ох, я бы сказала, что подумает... Если бы способна была соображать.

В голове мелькали обрывки слов. Обглоданные куски ощущений. Возмущение, ужас, тревога, тошнота.

Замуж. Замуж за него. Да он на ногах не держится! Как до храма-то дойдет? И запах от мужика такой, «сногшибательный»... Но, может, это вся харчевня пропахла горьким хмелем.

– Она бредит. Шатается, в обморок норовит упасть. К чему ей лишние думы? Если обряд поможет, то и будем решать, как щекотливый вопрос уладить... – помявшись, выдавил отец. – Так ты согласен?

– Ищи жреца. Если найдешь в такую дикую ночь...

– Вон он, у кухни сидит, с пирогом обнимается. Ох, богини милостивые, ты спасение наше, ты дар ниспосланный, – вдохновенно разорвался папа.

А я с недоверием смотрела на кулак «ниспосланного», сжимающий керамический бокал. Тот заметно подрагивал.

Судьбоносная... Вспомнит ли маг наутро о церемонии и случайной жене?

Я слышала, что он оставил много сил на Рубежах и, видно, сейчас страдал от магического отката, но это не оправдание!

– Ошибаешься, Хоулденвей. «Дар» из меня никудышный. Моя сила убьет твою дочь прежде, чем ты найдешь лекарство от хвори.

– А хворь убьет ее через час, – прибил отец и, вздрогнув, приговорил бокал. Вытер рукавом мокрую бородку, запахнул плащ.

Я стала спиной пробираться к выходу. Стыдно подслушивать, еще кошмарнее – признать, что слышала все низости и грубости, что тут звучали.

– Мой дар принизит твою дочь, – долетело хриплое, когда я отошла на приличное расстояние. – Знаешь ведь, как высокие тэйры боятся сильной магии. Пищат, будто в грязь окунулись...

– Пусть пищат, но живет, – прошептал отец. – Я найду ее, заплачу жрецу... и мы будем ждать тебя в разрушенном храме на горе. Ты придешь?

– Приду.

– Он придет, – в который раз пообещал отец.

Я послушно кивнула: ждем. Хоть и сомневалась, что незнакомец в высоких сапогах с заклепками сможет заползти сюда по ледяной тропе. Папе путь дался нелегко, а он был куда трезвее «жениха».

Жрец зажигал храмовые свечи, наполнял искрами кристаллы. Укреплял огонь чарами: часть окон была разбита, и ветер то и дело влетал в зал. Шевелил пламя, угрожая загасить, трепал плащи, сшибал с онемевших ног...

Дурнота накатывала волнами, и просвет между черными мошками исчезал. Вот-вот одна темнота и останется. Тогда все – оборвется последняя жизненная ниточка, как обещала насмешливая Ворожка.

Ветер трепал белые перышки на моем капюшоне и, заглядывая внутрь, испуганно отшатывался. Напоминал: не красавица. Лежалый товар.

Я была как та фреска с тремя богинями, что не видят, не слышат и сказать не могут. В ушах стоял гул, перед глазами морок, а на пересохших устах – соль запекшихся слез.

Он все не шел, и я смиренно поднялась со ступени, обнялась, простилась с отцом. Мой час пробил, об этом отчетливо звонило сердце, совершая последние удары.

– Это не страшно, папенька. Я почти не боюсь, – попыталась ободряюще улыбнуться.

– Быстрее, тэры! – прогудело сзади. Хриплое, знакомое. – Я должен успеть... к расцвету...

В храм влетел мужчина в черном плаще, облепленном снегом. Его окружал непроницаемый серый вихрь, какой бывает при воздушной телепортации, и я засомневалась, что на гору он взбирался пешком.

За пленкой, помутившей зрение, я едва могла разобрать высокий силуэт. Сощурилась, напрягла глаза... А потом поспешно опустила лицо, сгорая в ужасе и стыде. Глупая лаврушка! У мага-то со зрением явно порядок.

Есть все-таки смысл в традиции выдавать невесту под плотным слоем фаты. Я бы сейчас и в саван замоталась, лишь бы он не увидел, какое чудище собрался взять в жены.

Жрец читал вводное слово брачного ритуала, а папенька его поторапливал – жестами, сдавленными охами. Незнакомец цепко держал меня за запястье. Его ледяная перчатка приморозилась к коже, но он не удосужился обнажить руку.

Не было ни сил, ни смелости поднять голову и рассмотреть лицо незнакомца сквозь мрачный танец теней...

Ноги подломились от слабости, и я прижалась виском к его плечу. От холодной ткани плаща тянуло морозом, крепкой магией и едким ароматом настойки, что подают в харчевнях.

Маг сплел наши пальцы и крепко сжал. Вдруг стало спокойно. Паника отпрянула испуганной каффой: он пришел, чтобы не дать мне умереть. В счет долга или из милосердия – не так уж важно.

Я почти не слышала, что бормочет жрец, заливаясь в ритуальном речетативе. Но когда он провыл *«принимаешь ли ты, тэйра Хоулденвей, ниспосланного тебе богинями тэра»*, я дернулась, выплыла из тумана и кивнула.

– П-принимаю...

Тэр принял тоже – сухо, хриловато. И тоже пошатнулся – не от слабости, а от излишка крепких жидкостей в организме.

Жрец воззвал к богине, что пришла в разрушенный храм на огонек ритуала. Попросил благословения, милости, участия в судьбе двух подданных... И все свечи разом потухли. То не ветер был, а воля божества.

Нас закружило метелью. Видимо, отозвалась Триксет. Она скрепляла союз, как умела: радостно гоняя по полу снежинки и обжигая ледяными языками кожу.

Ноги подкосились, и я рухнула... Собиралась на пол, но оказалась в руках мужчины. Незнакомец быстро сориентировался, вцепился в дрожащие локти и осторожно прижал меня к себе – к груди, в которой гулко колотилось сердце.

Я замерла испуганно, ощутив его выдох на подбородке. Капюшон предательски сполз с макушки, оставив меня без спасительной «вуали». Но богиня была милосердна, свечи не

зажигались. Уж лучше темнота, чем мои бледно-зеленые щеки и обветренные, обкусанные губы.

– Брак благословлен на золотых облаках. Вы можете скрепить союз единением искр, – величаво сообщил жрец и направился разжигать световые кристаллы.

Поцелуй был сладок. Наверное... Я не очень в них разбираюсь. Этот был первым.

Рот мужчины пах терпким хмелем, а на вкус был, как обжигающий гром со специями. Губы были холодными, с мороза. Казалось, коснувшись моих, разгоряченных лихорадкой, они растают весенними сосульками.

Сердце в груди бешено заколотилось, стоило ощутить внутри чужой язык. Не знала, что оно так умеет. В последние часы еле тренькало обессиленно.

С чужим вкусом на губах я почти отключилась. Сознание еще булькало, но зрение ушло с концами. Чернота, чернота, чернота... И редкие проблески мягкого света от заново вспыхнувших кристаллов вдалеке.

И черные всполохи над головой тэра – то ли тень, то ли крылья ворона... То ли сама магия укрыла нас плащом. То ли ночь забрела на огонек и расправила плечи.

Было в этих тенях что-то мрачное, демоническое, но для меня не опасное. Они ведь укрывали, ласкали, пока чужие губы впивались в мои.

Внутренности обжигало, поток силы хлестал в рот, обмурашивая плечи и подколенные впадины. Видимо, так ощущается переливание магии, смешанное с неловкостью первого поцелуя. Горло рождало неприличные стоны, тело стремилось прижаться к мужчине, вжиться ему под плащ и под кожу.

Я зажмурилась, не пытаясь разглядеть то, что сокрыто. Отдалась единению без сопротивления. Принимала все, что маг мне вручал – и сладкое, и горячее, и крутящее жилы, и щекотно ласкающее...

– Найди меня, если выживешь, – шепло прошептал муж, отрываясь от дрожащих губ. И свет мира окончательно погас.

Глава 3

Пробуждение вышло стремительным. Я вынырнула из дымки сна, как рыба, выскочившая из воды. Резко села, взбив в пену теплое одеяло, и осмотрелась. Где я, Судьбоносная?

Комната не походила ни на одно из мест мне знакомых. Это не девичья спальня в Хоулден-Холле, там на окнах голубые занавески с золотым кантом... И не келья в приюте Монтилье, там стекло в мир размером с три ладони.

И не лачуга Ворожки: здесь было намного чище и просторнее, а рядом с кроватью имелся диван и письменный стол, заваленный бумагами. И уж точно не номера в вандарфской таверне. Пахло в спальне не в пример лучше – сухими травами, мятными мазями, медовым бальзамом...

Я испуганно соскочила с кровати и только теперь отметила, что голова не кружится. Тошнота не распирает горло, ноги слушаются, а зрение – чисто, как осеннее небо.

Где я, демоны меня прибери?

Растерев щеки до красноты, я наморщила лоб и попыталась вспомнить последние мгновения из «вчера». Битые окна разрушенного храма, настырный ветер, треплющий мантию, потухшие свечи, брачный обряд, поцелуй...

Богини милостивые! Я вчера стала чьей-то случайной женой!

Выходит, это дом моего мужа? Нет, вряд ли... Отбросив с подоконника белую штору, я увидела знакомый пейзаж. Усыпальницы с золотыми символами, острую крышу питомника, городские фонари, с утра потушенные. Вандарф.

Мантия моя лежала, аккуратно свернутая, на кресле. Подоконник был заставлен флаконами с зельями и огарками свечей, а на диване валялся отцовский блокнот в ветхом бордовом переплете.

Снаружи искрил снежок, зимнее солнце бережно ласкало щеки. Вандарфцы, за ночь смирившиеся с избранием Триксет, успели укутаться в шубы, шали и теплые плащи. Ребятня вдалеке катила на священную гору огромные деревянные сани...

Гора. Та самая, куда я взбиралась из последних сил, чтобы заключить спасительный союз.

Ох, священные нити Сато... Я ничего не понимала. Ничего. Кроме двух вещей: я определенно жива и замужем за незнакомцем.

Или это был просто сон? Тогда и болезнь моя – кошмар.

Я порывисто подлетела к зеркалу и принялась ощупывать кожу. Осунувшееся лицо разгладилось, щеки слегка порозовели. Вены больше не просвечивали. В прозрачных глазах завелись золотые всполохи – хоть какой-то намек на цвет.

Тусклые серые волосы, пробитые серебристыми прядями, заблестели. Их оттенок остался тем же, что был подарен хворью, но за ночь они будто стали и гуще, и здоровее... Вились по плечам, а не свисали путанной паклей.

Вытянувшееся узкое личико все еще хранило бледный тон, и потому губы на нем выделялись ярким розовым пятном. Я осторожно провела пальцем по нижней... Возможно ли, что за одну ночь все ранки затянулись, кожа перестала шелушиться и стала бархатной, как лепесток вергинии?

Глаза казались неправдоподобно крупными из-за узких скул и провалившихся щек. Меня не мешало бы откормить, но в остальном...

Я бы сама себя не признала, если бы раз пять не ущипнула за запястье!

Я зажмурилась, припоминая детали вчерашней ночи. Свадьба прошла как в тумане. Не фигурально – буквально. Я мало что видела, почти не слышала и едва понимала.

Белый капюшон, взвесь снежинок, темнота и морок, накрывший сознание... Фрагменты вспыхивали и гасли.

Высокие сапоги из лоснящейся кожи с заговоренными заклепками. Надсадный хрип мужчины. Голос подсевший, словно маг много кричал (или много выпил). Крепкий аромат, сбивающий с ног. Тэр стоял, покачиваясь, и неохотно, но твердо выталкивал клятвы сквозь зубы...

...Потом я упала в его руки, он успел подхватить у самой земли. Пробормотал гневно, что даже болезных девиц кормить надо, чтобы они не весили, как росоший хвостик, и не были белее своей ночнушки. Затем он скрепил союз глубоким поцелуем, от которого меня всю обмурашило.

А дальше – обрыв.

Нет-нет, надо вспомнить. Сосредоточиться и вспомнить. Кажется, лишенную силы в каждой из мышц, меня уложили на храмовую лавку и укрыли мантией... А сами тэры завели разговор, дождавшись, когда жрец отойдет подальше.

Фразы нехотя выплывали из памяти.

– Если она выживет, дай знать непременно, – хриплое, требовательное. – Моя магия специфическая, она не подходит для чистеньких девиц. Это нужно контролировать. Ты понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – вздох отца.

– У нее мало шансов. Не обнадеживай себя, Хоулденвей, – мужчина будто замялся, выталкивал слова с трудом. – Если хворь не добьет, то дар поспособствует.

– Знаю.

– Если не получу от тебя известий, через пять полных лун я буду считать себя вдовцом, – бубнил «муж» под нос, проводя пальцами по белой опушке моего капюшона. Пересчитывал перья, свалившиеся на нос и укрывшие лицо, но чувствительной кожи не касался. – В последний день правления Триксет я приду просить у богини свободы от брачных оков. Ты знаешь... мне нельзя быть связанным с Сатаром столь крепко.

– Я помню твои условия, – вздохнул отец.

– И еще...

– Мм?

– Если обряд поможет, пускай она сама меня найдет. Я помогу освоить подарок. Магия не так проста, временами она наказание, а не спасение.

– Ты оказываешь нам большую услугу...

– В оплату той, что ты когда-то оказал мне, – хмуро подтвердил владелец мрачной тени и леденящего хрипа.

Прилив воспоминаний оборвался: в дверь пробарабанили.

– Вы проснулись? Славная новость, богини милостивы! – ласково улыбнулась настоятельница Монтилье, входя в спальню после короткого стука.

Я уже догадалась, что нас с отцом поселили отдельно от послушниц, в одном из домиков за загонами для харпий.

– Вашими молитвами, – кивнула я благодарно.

– Я вызову целителя, чтобы он вас осмотрел, тэйра Хоулденвей, – мягко предложила Минар.

– Я хорошо себя чувствую. Впервые за несколько лет, – призналась ей, в который раз мысленно отмечая: действительно хорошо!

Непривычно. Бодро. Прилив сил щекотал пятки. Мышцы, всласть отдохнувшие, жаждали действия.

Я могла надеть мантию и скатиться с горы на тех деревянных санях! А потом прогуляться по утреннему Вандарфу! И выпить горячего травяного отвара в харчевне! Обморозить нос об искрящую сосульку, слепить снежок, промочить сапожки! Улыбнуться прохожему тэру, не опасаясь, что он скривится от отвращения...

– Осмотр не повредит, – настоятельница строго покачала головой. – Три недели беспмятства – это не шутки...

– Как три недели?

Я пошатнулась и плюхнулась на кровать. Я проспала три недели? Три?!

Глава 4

Влад

Тремя неделями ранее

Жаркий слепящий луч гонял испарину по наморщенному лбу, но Владар Вольган не обольщался. Избрание богинь завершено, и удушливому лету вот-вот придет конец. Межсезонье выдалось пыльным, но скоро все будут скучать по сухости, теплу и запаху вергиний.

Промочив горло опаляющим пряным громом – подобное выжигает подобное, – он навис над голосовым кристаллом и продолжил:

«Победу в божественной битве одержала Триксет! Готовьтесь! Аккуратнее на спусках! Смена сезонов... Смена!»

От магического усиления голоса он совсем охрип. Зато его хмурый шепот прогремел по всем углам академии, напомнив нерасторопным адептам об осторожности.

«Смена... Триксет... Запаситесь теплой одеждой, не ходите в город и в горы без необходимости!»

К каждой фразе хотелось прибавить «малолетние идиоты», но он держался. Из последних сил. Эта зима будет долгой.

Затея орать в кристалл о смене сезона из года в год подтверждала свою бессмысленность. Юные тэры и тэйры, впервые выпавшие из родительского гнезда, не способны о себе позаботиться.

В ближайшую неделю Влад будет доставать студентов из сугробов, снимать со склонов, лечить от обморожения... А еще – отрывать языки «высоких тэров», прилипшие к фонарным столбам и магически заговоренным сосулькам.

После он будет напоминать магам-бытовикам, что заиндевелые слюни грумлей не подходят для декора фойе Главной Сатарской академии. И что размножение хельмов нуждается в контроле. Твари хоть и ценные, но попробуй их выведи, когда черная мохнатая нечисть заполнит все этажи.

А ведь к исходу пятой луны так и будет, так и будет... Он это уже проходил.

Ко второй луне кто-нибудь из старших магов вспомнит о традиции устраивать студенческий бал в честь Триксет. И Влад сделает вид, что забыл, хоть втайне надеялся проигнорировать.

Как квахарка-наседка, демоны раздери его невыносимую должность!

Знал бы Влад, чем окончится этот бесконечный день смены сезона...

Письмо от Габриэла Грейнского пришло еще до первого снега. Отставив в угол стола голосовой кристалл и брезгливо смахнув к краю корреспонденцию от «высоких тэров», Влад разорвал конверт. Зеленый герб Грейнов игнорировать нельзя.

Генерал приглашал на Рубежи. Увеселительная, демоны его задери, прогулка! Будто в день смены сезонов ректору огромной академии вовсе нечем заняться.

Обогревающие чары сами навесят себя на окна. Камеристка сама додумается выдать тэйрам шерстяные подъюбники. А сторожевой маг сам спустится в подвалы и выдворит паразитов-хноллей, что забиваются в щели с приходом холодов и со сладостным причмокиванием тянут магию из стен учебного заведения!

Но официальному запросу Грейнов не отказывают. А Габриэл, хоть и писал легко, но требовал Влада настойчиво. Значит, армейские маги не справляются с установкой сезонного заслона. Летний щит за пять лун поистощился, и этот его охлаждающий эффект... Совсем некстати, мда.

Нацепив походные сапоги и сунув плащ в вещевой мешок, Влад поймал попутный экипаж и налегке отправился в Вандарф. В конце концов, устоит академия одни сутки без его догляда. А воины сатарской армии, что седьмой год встречают демонов пиками и чарами, как никто иной нуждаются в согревающей магии.

Жара недолго истязала тело. На Туманные Рубежи Влад прибыл как раз вовремя: Тэйн Бланко руководил разверткой зимних шатров, а отряд стихийных магов встал в боевую звезду и сцепил запястья, чтобы приступить к сотворению заслона.

Сбросив перчатки и вещевой мешок на серую траву, Вольган ступил в центр сцепки и подсосался резервом к силам природы. В межсезонье можно черпать из любых источников. Сладко, вкусно, приятно, огненно, освежающе... До тех пор, пока Триксет официально не заступит на смену и не обрушит им на головы снежный ком.

Она обрушила. Не успели пятеро магов во главе с Владом сотворить и невысокой, по колено, защиты, как с черных небес повалил снег. Кончики пальцев мгновенно обморозились, и работа встала.

Трава под ногами покрылась инеем, лужи накапавшего с воинов пота заледенели. Молодые парни первыми побежали в шатер – за теплыми сапогами, кипящим громом и меховыми плащами. Старожилы пошли спокойнее, вразвалочку, стряхивая снег с застывших в забавной форме усов.

Влад распотрошил мешок, накинул на плечи плащ, активировал артефакты. Втиснулся в кольцо обогревающих чар и вернул на руки перчатки. Поморщился... Дело запахло мраком. Дальше придется черпать из резерва, а это грозит весьма темными последствиями.

Тянуть энергию из стихии Триксет он не то чтобы брезговал... Опасался. Ледяная богиня злопамятна и к Владу холодна. Ее сезон извечно вызывает к худшим сторонам его натуры. Поэтому к метелям, стужам и леденящим ветрам он прикасался только в случае крайней необходимости.

Сам герцог Грейнский явился на Рубежи вслед за первым снегом, пребывая в отвратительно прекрасном настроении. Винить ему себя было не в чем: генерал оказался прозорлив.

В отличие от сатарцев, до последнего веривших в победу Шари, Габриэл заранее выпотрошил склады с теплой одеждой и снабдил армию необходимым. Расставил на туманных Вандарфских полях зимние шатры, приказал боевым магам снарядить их согревающими чарами.

Кто-то из его помощников успел развести хельмов, иные наполнили искрами купальные камни и артефакты мгновенного кипячения. Словом, к сезону Триксет на Рубежах было теплее, чем в столице, о которой Владыка, кажется, забыл.

Заслон установили только к сумеркам. Пустяковое с виду дело накрылось непрошибаемым снегопадом. Триксет резвилась, как дикая хэсса, спущенная с поводка. Резерв Влада истощился, заставив скрести по дну и черпать самую отборную муть...

К моменту, когда с защитой и утеплением шатров было покончено, Вольган едва стоял на ногах. Пальцы заледенели, тряслись, как у бездомного пропойцы. Зубы стучали, позвонки морозило холодным потом. Мрак, нарушив границы, сочился из всех щелей.

Снег валил все сильнее, застилая мир перед глазами белой вуалью. Налипая на брови и ресницы, забиваясь в рот.

Бланко подкинул Влада до городской окраины, а сам направил экипаж к Приюту Монтилье. Генерал приказал справиться у настоятельницы, готовы ли телепортационные камни. Все, что были заряжены послушницами ранее, давно истратились.

Влад бы и сам заглянул в приют, не постеснявшись позднего часа. Имелось у него одно личное дело, однако сталкиваться с Бланко и после объясняться с Габриэлом в его планы не входило. Поэтому он забился в ближайшую харчевню, чудом выцепив пустующий стол в углу, и решил переждать.

Все переждать. И магический откат, крутящий жилы. И всплеск внутренней тьмы, что, если верить отражению, отпечатался на лице. И визит Тэйна Бланко в соседний приют... Не будут же они с Минар три часа мятные взвары распивать, так? А Владу как раз нужно время, чтобы прийти в себя.

Слишком много дряни он зачерпнул... Слишком много.

Едкий привкус сладкой горечи стоял на губах. И Влад чувствовал, что надо поскорее его смыть. Содрать с кожи, выжечь гинном, стереть свежим снегом...

Харчевня гудела, искрила громкими разговорами, пьянила одним запахом. Обессиленный организм быстро сдался. Кажется, после первого же графина.

Зато пальцы стали трястись чуть меньше.

Нет, ночь не лучшее время, чтобы, нарушив приютский распорядок, вторгаться к старухе Монтилье. Выставит, не постесняется. Он не по делу короны, не от Владыки и не за камнями для армии. Может и подождать.

На месте Минар он и сам бы выпнул себя с порога. Грязного, окоченевшего, трясущегося от магической растраты, с сизыми пятнами теней под глазами. Чего юных послушниц до обморока доводить?

Но когда еще дела заведут его в Вандарф? А Влад давно был мучим любопытством. Действительно ли настоятельница ослушалась указа Грейнов и приютила виззарийку?

Если так, то Владу с ведьмой есть что обсудить... Возможно, у них общая проблема. Но кто в своем уме откроется темной чародейке? Влад устал, измотался, но пока не обезумел.

...Тут-то, в харчевне, его и нашел Хоулденвей. И ночь смены сезонов обернулась кошмаром божественного размаха.

«Благие нити Сато привели тебя в Вандарф в эту ночь!»

Нет, старик решительно издевался, продавливая большую мозоль. Нужно было сразу ему отказать, пока не вляпался в этот бред по колено... Но как? Костяная рука забытого долга сжимала горло, трясла, выбивая из Влада хриплое «Приду».

И он пришел. Куда бы делся?

Тэйра Хоулденвей была совсем плоха – шаталась тонким стеблем на студенном ветру, прятала бледный нос под капюшоном и дергалась от каждого прикосновения. Минута-другая – и он бы опоздал.

Не льстил себе: лучше бы опоздал. Влад еще сотню раз пожалеет о том, что натворил. Тихая, спокойная смерть в храме – предпочтительнее тех мук, на которые он обрек болезную девицу. Не всякий крепкий тэр справится.

Теперь хрупкое обморочное тело было его ношей. Карой. Ответственностью. Нельзя влить в девчонку ведро отборной, пакостной тьмы и не проконтролировать, чтобы каждая капля усвоилась организмом.

Мрак в нем говорил грубо, яростно. *«Буду считать себя вдовцом»*... Мерзко. Счастье, что «невеста» была в обмороке и всей пакости, что лилась из темного рта, не услышала.

Если она выживет, Влад поможет. Он не зверь... Во всяком случае, лучшей своей половиной. Маленькая тэйра с глазами цвета подсушенного лавруша заслужила долгую жизнь. Если очнется, у него будет пять полных лун, чтобы научить ее контролю.

Вот только... захочет ли она? Приедет ли к новоявленному супругу?

Хоулденвей знал о приятеле и его силе многое, да не все. Старый знакомец понятия не имел, на какие нетрадиционные методы «усвоения магии» обрек свою чистую, непорочную дочь.

Взмыленная харпия донесла его до южных ворот Пьяналавры с первыми рассветными лучами. Протащила, возмущенно фыркая, по заснеженным городским улицам – сонным, что сытая каффа в жаркий полдень.

У фонтана богинь Влад притормозил. Спрыгнул в центре пустой площади, поежился от утреннего мороза. Трикет взялась за Сатар крепко. Ледяная стерва соскучилась по власти.

Но сейчас снег был кстати. Склонившись к чистому сугробу, он щедро зачерпнул пятерней хрустящую «вату» и с силой вмял в лицо. Растер снег по щекам, закинул за воротник.

Потру его ждала сотня ответственных дел. Встреч, бесед, распоряжений, выговоров, важных бумаг. И венцом им – накопленная со вчера стопка писем от «высоких тэров», на которые необходимо отвечать сразу, пока не сделалось хуже.

А он едва держался в седле. Умолял глаза не закрываться, сквозь зубы проклинал настойку из вандарфской харчевни, нерасторопного служку, драного Хоулденвея, его болезненную дочь, жреца, Трикет... И особенно крепко бранил Габа Грейнского, вызвавшего мага на Рубежи.

Такого сюрприза от поездки в Вандарф Влад точно не ожидал. Он нынче женат? Женат?!

Писклявые, шумные тэйры, возвращенные в садах папаш-аристократов, окружали его не первый десяток лет. И последнее, о чем он мечтал, – жениться на одной из них.

Выбравшись из северных ворот, харпия трянула костяным загравком и потащилась вверх на академический холм. Вязла копытами в сугробах, старалась из последних сил. Ни он, ни она не сомкнули ночью глаз.

– Ты сейчас будешь жрать злаковую смесь в загоне и сушить на подстилке чешую, – поморщившись, сообщил он кобылице. – А у меня... начинается рабочий день.

– Фррр! – соболезнавала харпия, но не очень-то искренне.

Передав кобылку сторожевому магу, ректор отправился наверх, в личные покои. У него оставался час или два, чтобы привести себя в порядок и стереть с физиономии следы мрака. И брака. И раздражения волей богинь.

Сбросив сапоги и походный плащ прямо на ковер, Влад быстро зашел в купальный отсек и врубил согревающий артефакт на максимум. Чары сработали не сразу, и первой на спину мага полилась ледяная вода.

– Демоновы рога! – прошипел он, изрядно взбодрившись, и ударил кулаком по красному камню. – Давай, хэссы тебя задери, грей!

Весь Сатар ошетинился против него!

Наконец, милостью богинь, вода согрелась почти до температуры кипения и ошпарила обмороженное тело. Кожу кололо, щипало, било разрядами, но Влад терпел. Пять минут под опалющим потоком, чашка перченого грома покрепче, свежая рубашка, ректорская эмблема на рукав... и будет как молодой кворг с серебристой шерсткой.

В запотевшем стекле Влад ловил туманное отражение. Мрак почти отступил, лицо стало привычным, белокожим, скуластым. Мокрые пряди белым серебром облепляли лоб и плечи. Глаза... Да, они подводили. Лыисто-серые радужки отвоевали пространство у тьмы, но она все еще заливала белки.

Бездна!

Влад всегда рад навести страха на адептов, но предпочитает более изощренные методы. Не связанные с чудовищной внешностью.

То, что мрак на дне пробудился, – так некстати. Пришлось. Девчонке нужна была сила, много силы, а где ее взять, когда весь резерв распотрошил на Рубежах?

А если разбудил, то попробуй усыпить обратно.

В прошлый раз ушло прилично времени. Он брал отпуск на две луны и торчал в горах Сандера, рассматривая сверху Сады Судьбоносной... но сейчас ректору не до каникул. Придется идти к чаше Анаусси, сцеживать излишки черной пакости, что непременно попытается контролировать разум.

Вчерашнее утро было другим. Жарким, пыльным, хлопотным. Он еще был при голосе и в своем уме, а главное – маняще холост и обременен лишь горсткой проблем. Почти все его беды

концентрировались на холме близ столицы. Одного точечного магического взрыва хватило бы, чтобы избавиться от большинства!

Влад с надеждой поглядел в зеркало. Ледяной блеск глаз сменился чернотой, тьма залила зрачки. Пройдет, пройдет. Он крепок, он вынесет испытание.

А вот девчонка – нет.

В Хоулден-Холле он не был лет десять-пятнадцать... Или больше? Сколько их дочери теперь, девятнадцать?

Влад и тогда толком девочку не рассмотрел, все больше в окно подглядывал. Четырех-летнюю наследницу до мрачного гостя не допускали. Правильно делали: нечего пугать маленьких пташек.

Хозяин имения осторожничал. Чувствовал, что тэр, которого приютила молодая леди Хоулденвей, опасен и тащит за собой неприятности. Но подчинился воле любимой супруги, не выставил за порог. Уже потом, когда напряжение первых встреч прошло, разговорились, попривыкли. Долго у них гостил Влад, пока полностью в себя не пришел.

Как же ее звали, крошечную тэйру Хоулденвей? Он не помнил. То ли Терезия, то ли Амаранта... Что-то пафосное, высоким родам положенное.

На лицо она была хорошенькой и обещала вырасти прелестным созданием, заполучив самые ценные гены от матушки-аристократки. Он запомнил только блестящие колосья кос в цвете светлого вандарфского ореха. И яркие бусины любопытных глаз – оттенка полупрозрачного травяного настоя.

Однажды она забрела к нему в покои. Испуганно жалась к косяку, тарасила блестящие глазки из темноты. А он был немощен, как старик. Мрак прорвал, подавил внутренние рубежи, чернота сочилась с пальцев... Странно, что юная гостья сразу не убежала.

Лишь когда Влад прикрыл веки и сделал вид, что спит, она рискнула подойти. Девочка налила ему свежей воды и вернула упавшее одеяло на плечи. А когда он вдруг открыл глаза, чтобы поблагодарить, она испуганно отпрыгнула и выбежала из спальни, как верткая россоха. Только золотая лента на косичке мелькнула.

Заботливая, светлая, добрая тэйра... Нельзя такой умирать. И куда глядели богини?

Глава 5

Лара

Я еще несколько раз уточнила у настоятельницы, но она была неумолима. Три. Я спала ровно три недели. Кошмар!

Первая полная луна вошла на небосвод, в сезоне осталось всего четыре... А потом – новое избрание, другая богиня. И тот тэр, что заключил с папенькой договор, потребует свободы от «оков».

Не так уж долго мне быть степенной замужней дамой. Не стоит и привыкать к необычному статусу. А что будет после? Останется со мной мужнин дар, что так чудесно исцелил искру, залатал дыры и вернул на щеки румянец?

Нелла Монтилье пообещала поискать для меня свежее платье и обувь. Осенние сапожки размокли на горе, а наряды, что я захватила в поездку, были слишком легкими для мороза.

Я проводила настоятельницу, а сама вернулась к зеркалу. Это действительно я? Юная леди Хоулденвей, чьи выпирающие кости до обморока пугали кухарку?

Заметив на плече желтый хвостик, я сбросила лямку и, крутанувшись вокруг себя, пропела:

– Вылезай, негодница! Только погляди, как хороши мы этим у-у-утром!

Из-под кружевной оборки показался золотой клюв, а затем осторожно высунулась крошечная голова. Я делала вид, что увлечена отражением и не замечаю, как малышка лоури выбирается на свет. Как переползает по коже ниже, к локтевому сгибу, и, оглядевшись, расправляет крылья.

Трусиха! И где она пряталась? Под лопаткой или, как в прошлый раз, на бедре? Однажды я потеряла мое пернатое наказание на неделю и только в купальне заметила серую тень на грязной пятке.

– Не бойся. Теперь мы здоровы, – пообещала я малышке и еще разок крутанулась на носочках.

Месяц назад я упала бы в обморок, а сейчас устояла! Чудеса!

Маленькая желтая лоури нахохлила золотистые перышки и полюбовалась отражением в стекле. Ей укрепленная искра тоже пошла на пользу.

Однажды папа обозвал мою птичку паразитом, но что он понимал в хранителях рода? Мне нравилось думать, что мы подруги.

Птичка не могла жить вне человеческого тела, и когда-то матушка показывала мне, как укреплять связь с магическим талисманом. Но я давно уж забыла то заклинание, на практике попробовать не довелось... Поэтому общались мы только жестами.

Отец невзлюбил лоури. В его роду тотемного духа-покровителя не завелось.

Папа был более низкого рождения, брак с матушкой возвысил его и позволил выстроить хорошую карьеру при Дворе. Для всех он сразу стал «высоким тэром», но птичка, пока сидела на мамином запястье, упорно отворачивала клюв. Чувствовала, что его кровь проста и ее пернатого благословения не достойна.

Вот у великих Грейнов точно должен быть хранитель рода. Впрочем, как он выглядит и где сидит на теле Владыки – о том никто из сатарцев доподлинно не знал. А спрашивать было неловко.

Когда искра матушки угасла, старшей представительницей рода стала я. Хилая лоури, едва шевеля лапками, перебралась с ее запястья на мое. Повздыхала горестно и поселилась на бледном «ложе» под локтевым сгибом. Иногда она шевелилась, иногда пряталась, но моей искры не хватало для нас двоих.

Теперь крошка явно почувствовала себя лучше. Осмелев, она перебралась на тыльную сторону ладони и принялась чистить перышки.

Я дурашливо нахмурилась и пощекотала ее золотистый бок, и малышка ласково клюнула меня в подушечку пальца. Ощущалось, будто разряд крошечной молнии перетек из кожи в кожу, но именно такое приветствие у нас было заведено.

Тот тэр из харчевни прав: когда-то в пышные сады Хоулден-Холла залетали целые стаи желтых лоури. Они пели незатейливые песни о любви и весне и угощались фруктами с наших деревьев.

Там-то и нашли эту малышку, растерзанную диким хищником. Не я, не мама, а какая-то из наших прабабок... Она пыталась влить в пташку жизненную силу, но случайно привязала ее к своей искре.

Это был очень редкий экземпляр – не желтая лоури, а золотая. Мифическая. Их часто путают, но золотые обладают собственной сильной магией: в древние времена они становились верными спутниками девушек-чародей. Кто-то выпил пташку до дна, и раненая самочка умирала.

Вот так в роду появился фамильный талисман. Это что-то вроде семейной легенды.

Я слышала, как мама общалась с ней, а со мной птичка ни разу не говорила. Думаю, у нее просто не было сил. Едва перебралась с маминого запястья на мое, она зачихала, посерела... и спряталась где-то под рукавом, стыдясь показать выплывший клюв.

Я очень печалилась, что не могла дать ей больше. Мне и на себя не хватало. Диковинная магическая хворь пожелала истребить весь род Хоулденвеев под корень, и не было сил с ней бороться.

Покрутившись лоснящимися боками, лоури безмятежно вздохнула. Подставила мордочку зимним лучам, умиротворенно пощелкала клювом... Как вдруг вздыбила перья и отпрянула обратно к локтю. Затряслась, заметалась, разыскивая укрытие. И нырнула под мышку.

– Что не так? Чего ты испугалась? – зывала я к птичке-талисману, размахивая локтями, точно крыльями, и разыскивая беглянку на коже.

Но лоури и след простыл. Не иначе на пятку забились или куда похуже.

Осуждающе пыхтя – ну что за трусиха? – я оглядела себя со всех сторон.

На запястье, где недавно сидела птица, растекалось темное пятно... Словно кто-то накапал на кожу густых чернил, и они сползли к одной точке. Нет сомнений: именно пятно не понравилось крошке-хранительнице.

В гостевой домик вернулась настоятельница – с пышным свертком, двумя лентами и расческой. Она молча сложила вещи на диван, с грустной улыбкой покосилась на папин блокнот и вышла, давая возможность переодеться.

Платье мне досталось серое, как хмурая дождевая тучка. С воротником стойкой и теплым шерстяным подъюбником. Нашлись в приюте и зимние сапожки на смену моим промокшим осенним. Носы уже были кем-то сбиты, шнуровка запутана насмерть, зато обувь оказалась разношенной и по размеру.

Последними из свертка вывалились перчатки – актуальное в свете черного пятна дополнение. Я торопливо натянула их на пальцы, не представляя, как буду объяснять целителю чернильную кляксу. Отчего-то показалось, что темная пакость имеет отношение к дару, которым со мной щедро поделились накануне...

В новых одеждах и с двумя ровным косами я выглядела, как среднестатистическая воспитанница приюта Монтилье. Папенька не признает меня, когда вернется!

Где же он затерялся, в самом деле?

Не помню, когда столько крутилась перед зеркалом. Наверное, до болезни. Чем дальше, тем меньше радовало отражение... Я и забыла, как выглядела «до».

Изучив обновленную себя со всех сторон, я уселась за письменный стол. Пошевелила бумаги, помахала в воздухе пишущей палочкой, поставила размашистый росчерк на пустом листе. Отодвинула стопку книг, дотянулась до папиного блокнота.

Он раскрылся посередине, заложенный алым шелковым шнурком и маминым обручальным браслетом. Разворот был девственно чист, за исключением пары клякс и нескольких строк в левом верхнем углу. Отец начал записывать что-то, но отвлекся и не закончил.

Решив, что сильно меня наказывать не станут – я ведь жива, а эта хорошая новость переvesивает все плохие, – я погрузилась в чтение.

«Пока Триксет не забрала меня в ледяные чертоги, я должен рассказать тебе об этом мужчине. О человеке, что стал твоим мужем. Я встретил его давно, когда еще жива была твоя матушка, и с первого дня знакомства понял, что должен быть осторожен...»

Письмо преступно оборвалось, оставив меня с носом и вскипающим в жилах любопытством. Папа писал это для меня? Но к чему секретность, почему не рассказать лично?

– Он не успел закончить, – проронила Минар Монтилье, возникнув тенью за спиной, и я привстала от неожиданности. – Приступ случился внезапно. Мы позаботились о нем, тэйра Хоулденвей. Я остерегалась сообщать трагическое известие, пока вы крепко не встанете на ноги.

Ноги – те, что крепкие – подломились, и я рухнула на диван.

– Приступ?

– Тэр Хоулденвей поймал лед в сердце, когда спускался с горы, – поджимая губы, сообщила настоятельница. – В ту ночь зима утянула еще нескольких горожан, не успевших подготовиться к холодам и найти приют. Еще неделю спасали замерзших, целители хлопотали над каждым...

– Не понимаю... Папа просто промочил ноги!

Да, отец немолод, немощен, но Сатар славен целительской магией.

– Первые морозы вышли очень крепкими. Но ваш папенька протянул еще десять дней. Все ждал, пока вы очнетесь. Он хотел рассказать вам лично, никому не доверял тайну. А когда понял, что Триксет зовет его в ледяные хоромы, бросился писать, да не успел.

– Вы, верно, шутите, – помотала я головой, отрицая услышанное.

Ведь я жива, жива... Он не должен был покидать меня! Мы простились в храме, но не для того!

– Он видел, что вы пошли на поправку. И от румянца на ваших щеках у него из глаз текли слезы счастья, – улыбнулась она с грустинкой. – Тэр ушел спокойным. Все бормотал, что проклятие богинь оставило ваш род.

– Куда он ушел? Куда? – взвилась я, собираясь тут же последовать за ним. Куда бы он ни ушел. И вернуть обратно!

Ведь я жива. Жива. Зачем ему уходить?

Слезы бежали по впалым щекам, обжигали губы, запекались солью.

– В Рошу путей, вестимо, – еле слышно ответила Минар, – чтобы найти свой новый путь, дитя...

Я прижала его блокнот к груди, склонила лицо, завесилась серыми прядями... и с чувством вселенской обиды на мироздание позволила себе разреветься.

Глава 6

Сколько часов я так провела – отрешенно глядя на белизну за окном, – одним богиням ведомо. Я не представляла, что делать дальше, как быть... Как жить?

– Он был стар и слаб, Лара. Тэр готовился уйти вслед за тобой, – утешала настоятельница, похлопывая по плечу.

Час назад она объяснила, как пройти к усыпальницам, но я пока не решалась покинуть уютный домик и столкнуться с реальностью.

– Однако я здесь, – недоуменно развела я руками.

И уж точно не планировала остаться в Сатаре одна.

Боги, да я наше родовое имение в последние годы не покидала! Шелестела юбками от спальни до библиотеки и обратно, изредка забредая на кухню и пугая болезненным видом кухарку. Почти не осознавала себя и мало что помнила из тех дней, слипшихся в единую серую массу.

Отсидев пятую точку, я принялась ходить по спальне, заламывая руки. Истерика прошла, первые слезы просохли.

Надо собраться, Лара... Ради папы. Ради себя.

Укутавшись в белую мантию, я вышла из дома и быстро дошла до старого кладбища. В проплешинах жухлой травы между сугробов и с каменными грибами закрытых склепов, выросших тут и там.

Попасть в усыпальницу можно было только по священным дням, ближайший такой – на пятую луну. Поэтому я просто постояла возле посеребренной ограды, поводила пальцем по папиному имени, высеченному в камне...

– Очнулась, болезная? – окрикнули сзади, и я обернулась.

Ворожка огромным деревянным веслом выбивала снег из замызанного ковра. Этим же веслом она подманила меня к себе.

Я сглотнула, изобразила вежливый книксен и осталась на месте: приближаться к старой виззарийке не хотелось.

– Не пугайся, птичка, я таких не ем, – осклабилась ведьма, демонстрируя черные зубы. – Отошел твой суеверный батюшка. А ты жива. Глупо слезы лить, хвали Сато за узелки спасительные, что выплела на твоём полотне. Нашел он, чай, тебе муженька в последний миг?

Я вытерла щеку колючей рукавицей и подошла к Ворожке.

– Нашел, – призналась ей тихо. – Только имени не оставил. Тэр велел приехать к нему, если выживу... А как теперь?

Их разговор в храме мне крепко запомнился. Такова была папина последняя воля – чтобы мы с мужем познакомились, и тот помог.

Кто б еще рассказал, в чем помощь бесценная заключается?

– А я погадать могу. На травках, – подмигнула Ворожка и откинула весло в сторону. Развернулась к дому и, покачиваясь речной толстобокой лодочкой, поплыла к двери. Добавила тихо: – На безопасных, сатарскими законами разрешенных.

– А вы и имя выведать можете?

– Даже цвет глаз. Это куда сложнее, – хрипло рассмеялась ведьма.

В ее лачуге пахло все так же неприятно: сыростью, плесенью, гнилью и дымком. Когда смуглая морщинистая рука подала мне чашку с черным взваром, я едва удержала тошноту внутри.

– Я не неволю, пташка. Хочешь, пей, не хочешь, уходи к папаше... Только там холодно, а тебе согреться надобно, да? – убаюкивающе покачиваясь, бубнила виззарийка.

Я послушно опрокинула в себя коричневую муть, которая цветом напоминала пряный гром, а вкусом – кисель из склизких жаб. Бррр! Меня передернуло. Ворожка села на табуретку, придвинулась близко, дыхла зловонием изо рта и впечатала острые пальцы в мои щеки.

– Разве вам не надо... чаинки смотреть?

– Я читаю по лицу. Тише, болезная. Расслабься, дай поглядеть, пока он не видит.

Карие глаза обернулись двумя затягивающими болотами, и показалось, что чужое сознание проскальзывает внутрь. Холодным, неприятным шнурком, чешуйчатым, как змея.

– Ммм! – поморщилась от резкой боли в висках.

– Терпи, – велела ведьма. – Вижу, вижу...

– Что видите?

– Твое бремя горькое. Золото тяжелое, неподъемное. Сапоги высокие, с серебряными заклепками. Поцелуй, спасение темное. Яд оживляющий... и убивающий, – будто в трансе, шептала старуха. – Можно бы приноровиться, но... не протянешь долго, если с неловкой проблемой не разберешься.

– Какой проблемой?

Краем глаза я увидела, как из-под волос моих, серебряно-серых, тянется к ее грязным пальцам черная прядь. И ведь не было ее раньше, и не висел на виске этот странный локон...

– Ну уж о таком сраме не мне тебе рассказывать, – промычала Ворожка и вдруг резко отпустила мои щеки.

Она охнула сдавленно, отмахнулась, затряслась. Приложила ладони к глазам и завывала обиженно, как малое дитя.

– Что с вами? Ворожка... Эй, вы в порядке? – я привстала и попыталась ухватить женщину за плечи.

Ведьма крутилась волчком по всему коридору и подвывала.

– Не трогай меня... Прочь!

Она дернулась от моих рук, как от ядовитых змей, и я поспешно убрала их в карманы. Я догадывалась, что «темная ведьма» слегка не в себе, но чтобы совсем уж спятила...

– Вы имя хотели увидеть, – напомнила ей. – Моего мужа случайного.

– Увидеть? О, я теперь долго ничего не увижу! – разгневанно взрычала она и отлепила ладони от глаз. Они вместо карих прозрачными сделались, точно затянулись серой пленкой. – Не дал поглядеть... Хитрый морок. Что ж я так неосторожно-то?! Как ведьма молодая, ни разу на полную луну не стриженная!

Она на ощупь двинулась в сторону кухни и принялась греметь железной посудой. От входа я видела, как виззаришка поднимает лицо к потолку и накладывает на глаза примочки из перемолотых травок, растертых в ступке с густым белым зельем.

– А мне что ж теперь делать? – прошептала я, в ужасе косясь на старуху. С бело-зелеными лепешками на смуглом лице она выглядела еще страшнее.

– Мужа ищи своего пропащего, пока сама жива... Пусть сотворенное исправляет, чтоб черная мерзость внутри тебя не убила, – процедила она недовольно. – Уж я его! Если увижу!..

Она погрозила кулаком полупустому шкафу и опять обиженно взывала: пока не увидит.

– Ни имени, ни адреса, – вздохнула я и отошла к выходу, твердо решив вызвать к Ворожке телесного целителя и кого-то по другим хворям, душевным.

У настоятельницы Монтилье наверняка есть знакомые лекари. А одними травками тут делу не поможешь.

– Ступай за ним след в след и притопаешь, – брезгливо отмахнулась ведьма. – Сато для тебя один узелок заплела, заплетет и второй... Дорога ты ей, видно, птичка. Теперь уж не бросит. Богини в Сатаре сентиментальные.

Наш чахлый харпемейстер после папиной кончины забрал экипаж и уехал в Хоулден-Холл, чтобы сообщить прислуге горькое известие и привезти мне сезонных вещей по размеру.

Наверное, стоило дожидаться его в приюте. А затем отправиться домой и принять управление имением: больше Хоулденвеев в Сатаре не осталось.

Но все внутри противилось идее. Приехать в Хоулден-Холл одной? Бродить по серым обветшалым коридорам без отца, отдавать прислуге приказы, будто я там теперь хозяйка?

Состояние наше сильно уменьшилось с тех пор, как заболела матушка и папа отошел от придворных дел. Серебряные саты рекой лились в карманы целителей и шарлатанов, золотые монеты щекотали ладони аптекарей... Просторный замок пришел в запустение, по стенам расползлась паутина. Сад, веками служивший пристанищем желтым лоури, зачах, как наша искра.

Осталось несколько верных слуг, дородная кухарка Бесси с нерасторопной помощницей, четыре тощие харпии, слабый маг-бытовик, подслеповатый садовник да дряхлый харпемейстер... Теперь я в ответе за их жалование.

Зажмурившись, я попыталась представить себя хозяйкой Хоулден-Холла. Степенной, горделивой, в пышном платье замужней дамы. Но ничего не получилось. Я не строила планов на будущее, и теперь была ошеломлена... Стукнута по голове окаменелой сосулькой!

Оставив лачугу Ворожки позади, я вышла с территории приюта и побрела к окраине Вандарфа, повторяя свой путь трехнедельной давности. Священная гора, увенчанная полуразрушенным храмом, ледяной доминантой выступала из частокола коренастых домов.

Весь недолгий путь я поражалась, как изменился город. Люди больше не боялись зимы. Они приняли ее, приоделись, разгудались, приветствовали друг друга с хохотом и желали счастливого правления Триксет.

Беда забылась. Сугробы сияли на солнце тысячами стеклянных осколков, белизна слепила глаза, веки слезились от света...

Харчевню я нашла без труда. Сейчас в ней было тихо и уютно, за столиками чинно восседали взрослые тэры, переговариваясь негромко. Я поспрашивала юную тэйру за прилавком, и хозяйку, и служку у загонов для харпий, даже на кухню всунулась тайком...

Никто не помнил гостя в черном плаще и с темной аурой, сочащейся с дрожащих пальцев. А когда я заводила речь про высокие походные сапоги с заговоренными заклепками, собеседники фыркали так, что пыль поднималась.

В ту ночь в харчевне было не протолкнуться. Кто только ни заходил – пьяные, трезвые, в плащах и без. Одни искали экипаж, другие – свободную комнату, иные просто стояли у стен и пытались согреться.

Жреца тут знали, но он, как выяснилось, несколько дней назад уехал в Сандер. Сразу после ритуального отпевания «какого-то высокого тэра». Видимо, моего папеньки...

Лишь рябой мальчишка в длинном белом переднике вспомнил, как нашел свежую харпию для незнакомого мага. Угрюмого, как смерть, и облепленного снегом по самые брови.

Да, верно, тот мужчина собирался в Пьяналавру. Теперь и я вспомнила, как он искал харпию и жаловался на снежные завалы. На нем висела ответственность, и он торопился в столицу к рассвету.

– Харпию вернули?

– Привезли с двойной платой, – покивал паренек, взбивая рыжие вихры под приплюснутой шапкой служки. – Я сам принимал. Только другой маг прибыл, в форме такой... с эмблемой...

– Военный? Из сатарской армии? – прошептала я, окончательно запутавшись.

Мой муж приезжал на Рубежи. Он был магом. Боевым, служивым?

– Нет, там другая... Как вот у академии в Пьяни. Золотистая загогулина, студенты на лацканах такие носят, – помялся служка и почесал затылок. – Но то не студент был, постарше. Младший маг или вроде него.

Значит, харпия прибыла в столицу и добралась до академии... И уже оттуда вернулась с другим наездником в Вандарф.

Информации – сущие крохи. Что муж делал в академии? Учился, работал? Был магистром или просто заскочил по делам короны?

«Ступай за ним след в след», – вспомнилось брезгливое от темной ведьмы.

Выходит, в Пьяналавру? В Академию?

Круги на воде, не иначе. Призрачная ниточка, что рассыплется от неосторожного прикосновения.

И все-таки чутье подгоняло вперед. Искры щекотно разбегались по жилам, подталкивая меня к неизвестности. Вернуться в Хоулден-Холл я всегда успею, а вот академия...

Об учебе я могла лишь мечтать. Да и кто бы позволил хворой аристократке постигать магическую науку?

Я мечтательно зажмурилась. Академия... Слово-то какое. Приятное, сочащееся восторгом и вдохновением.

Акаде-е-емия.

– Чего встала посреди дороги?! – рявкнули над ухом и бесцеремонно отпихнули меня в сторону. Чей-то грубый локоть прошиб ребро под тонкой мантией, и я скривилась от неожиданной боли. – Не прозрачная!

Я всплеснула рукавом – да что же это делается? – и сердито поглядела на спину проществовавшего мимо тэра. Не так уж много места я занимала на широкой дороге, чтобы он обойти не смог.

В Хоулден-Холле никто не посмел бы толкнуть юную леди. А нынче меня еле ноги держат – с привычки и от усталости.

И так горько стало – от боли под ребром, от обиды, – что я чуть не расплакалась. Не придумала ничего лучше, чем сдернуть рукавицу и погрозить горбатой спине кулачком. Что еще может слабая леди противопоставить наглому тэру?

Что-то да может...

Черная призрачная плоть сорвалась с ладони, прошелестела по снегу смоляной змеей, ошпаривая дорожку до пара, прожигая длинную извилистую дыру. Подкатилась к тэру, оплела блестящие сапоги и намоталась на голенища так, что мужик запнулся, ахнул и носом полетел в сугроб.

Ох, Судьбоносица!

Привиделось... Морок, морок. Это не мое, чужое!

Не оборачиваясь, тэр поднялся, отряхнулся и пошел дальше своей дорогой. Благо, свидетелей его падения не было и гордость пострадала меньше, чем нос.

Оцепенев от случившегося, я покачнулась и шлепнулась задом в рыхлый снег на обочине.

– Не может быть, что это я, – прошептала вслух, разглядывая голый кулак.

Бледное запястье оплетал черный жгут. Как причудливый браслет, выточенный из жидкого обсидиана. Только ни снять, ни смыть я это украшение не могла: оно въелось под кожу.

И все-таки я.

Кошмар!

Рассказать о таком – не поверят. А то вовсе целителя-душевника вызовут, и не для жуткой Ворожки, а вполне себе для меня.

В смятенных чувствах я вернулась в приют Монтилье. Дрожащими пальцами собрала папин саквояж. Под тугие кожаные ремни уложила смену белья, теплые чулки и расческу, в тканевый карман просунула запасную сорочку и тонкую вязаную кофту.

На затянутые ремни кинула отцовский блокнот, письменные принадлежности, альбомы для зарисовок, миниатюрный сборник «Молитвы пяти сезонов» – подарок от сотого шарлатана, заезжавшего в Хоулден-Холл.

В папином плаще нашла бархатный кошель, побрякивающий серебряными сатами. Монет немного, но на поездку в городском экипаже и пару ночевок в столичной гостинице хватит, а там...

Богини, Лара, ты всерьез? Поедешь одна, без сопровождения, с незнакомым харпемейстером и недоброго вида попутчиками до самой Пьяни? В темноте полуразбитого экипажа, мимо лесов и туманов?

В последний раз, когда я выходила дальше замковых ворот, мне было одиннадцать. За тот побег я была прилично наказана. Месяц просидела под домашним арестом... А потом мне стало хуже, и свобода за кованой оградой перестала манить.

Я бы и сейчас охотно забилась в укромный угол спальни и придвинула папино кресло, баррикадируя путь. Спряталась бы от недружелюбной реальности. Сидела бы в убежище неделями, борясь с детскими страхами и паникой перед взрослым миром. Искала бы внутри решимость и, не найдя, возвращалась под купол шерстяного пледа.

Вот только чужой темный дар не оставил мне времени на подготовку. Поэтому, прихватив панику под мышку, я со звонким щелчком захлопнула чемодан.

К вечеру я была готова. Отмыта, наряжена, искусно заплетена, снабжена инструкциями, как действовать в шумной, многолюдной столице.

Настоятельница велела взять с кухни столько еды, сколько не оттянет руку. Потом написала сопроводительную записку, поставила на ней печать Вандарфского приюта и свою аккуратную подпись. И молча, с мягкой улыбкой усадила меня в общественный экипаж, что делал остановку возле харчевни.

Скрипучая дверца захлопнулась, кабина подскочила вверх, харпии сделали затяжной прыжок через сугроб... И мы понеслись в темноту.

Густо-фиолетовое сатарское небо раскрашивали крупные зимние звезды. Ночью я ни разу не путешествовала... Богини милостивые, я вообще никогда не путешествовала сама!

К демонам панику. Я жива, я обрела дар... и мужа в придачу. Я смогу быть сильной. Наверное.

Отец бы этого хотел – чтобы я боролась за дарованную жизнь.

Прижав саквояж к груди, я вмялась щекой в стекло защитного экрана. Позади остались туманы полей и мрачные лесные тени. Обледенелая гора, разрушенный храм, усыпальница, приют, дом Ворожки.

Поездка в столицу и манила, и пугала. И смущала – особенно. К рассвету я окажусь в Пьяналавре, а там... Там где-то обитает мой случайный муж.

Только как его найти? И будет ли он рад увидеть супругу?

За защитным экраном светало. Фиолетовые чернила небосвода разбавились розовым золотом облаков... И вдалеке показались очертания южных ворот Пьяналавры.

Я почти на месте.

Если бы не общественные остановки, опаздывающие пассажиры и темные карманы улиц, в которые харпемейстера так и тянуло завернуть, мы бы прибыли раньше. Теперь экипаж медленно катился по мощеной улице, присыпанной свежим снегом, еще не расчищенным и не притоптанным.

За поездку я не сомкнула глаз. Волнение подкидывало на лавке. Вдалбливая дрожащий подбородок в крышку чемодана, я пыталась придумать план. Подобие плана. Ну хоть какое-то! «*Ступай след в след...*» Допустим, я доберусь до академии, а потом?

Не буду же я спрашивать каждого прохожего, не сочелся ли тот браком в ночь смены сезонов? Или придется?

Версия о том, что сочащуюся темную ауру я увижу издалека, а жуткий дар у мага на лбу написан, прямо скажем, зыбковата. Вдруг муж уже отмылся, проспался и стряхнул мрак с рукавов? А сапоги с заклепками в урну выбросил?

Пьяналавра встречала меня в полной рассветной стати. Красивая, сверкающая, величавая. С прозрачным, звонким воздухом пустых улиц, которые непременно заполнятся прохожими через час-другой.

Соблазнительно зевая и приоткрывая рот в стыдном любопытстве, я вертела головой. Подсовывала нос под штору, задирала его к потолку экипажа... Пыталась разглядеть центральную круглую площадь. И фонтан со статуями богинь. И шпаги храмовых венцов, и богатые купола, сверкающие в утренних лучах голубой слюдой.

Священных гор я насчитала четыре. Они обступали город, утонувший в низине, как каменные охранники-великаны в снежных мантиях.

«Пьяна» – пять на древнем наречии. Это даже мне, в академиях не обучавшейся, известно. Город пяти храмов... пяти богинь... Но и богинь, и храмов осталось четыре, а название сатарцы менять не стали.

У лавки с шерстяными шальями столпились первые покупатели. И все в них казалось необычным, странным. *Столичным*. До Хоулден-Холла сатарская мода не добралась.

Мантии на зевающих горожанках были непривычного, смелого кроя – с завышенной талией и крыльями-рукавами. Невысокие сапожки прикрывали щиколотки и были украшены пышными меховыми шарами. А вместо шнуровки – серебряные зажимы, заговоренные так, чтобы обувь меньше скользила.

Я поглядела на свои разношенные ботинки, на сбитые носы... Вздохнула горестно: папиных монет на зимнее чудо с мехом и заклепками не хватит точно.

Экипаж миновал лавку с магическими существами. Полная торговка, скрипя суставами, стряхивала с полок снег и развешивала клетки на крюки. На коробке с черными пушистыми комками стоял зеленый штамп Вандарфского приюта: видимо, это те самые хельмы, что выращены в питомнике Монтилье.

Если верить глазам и табличке, торговка заломила цену в семьдесят сат за штуку! Но деньги пойдут на доброе дело. На шерстяные сорочки для послушниц, на горячую еду для бедняков, на уход за усыпальницами и заброшенными склепами. Так что – пускай.

Закусив губу, чтобы удержать в себе фонтан любопытства, я отвернулась от лавки тварей... и вляпалась взглядом в высокий холм. Мы как раз доехали до северных ворот, и в пейзаже проявился пологий склон с академическим комплексом на макушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.